

18+

Ленинградцы

*Драма в трёх действиях
с прологом и эпилогом
Бориса ГУАНОВА*

Борис Гуанов

**Ленинградцы. Драма в трёх
действиях с прологом и эпилогом**

«Издательские решения»

Гуанов Б.

Ленинградцы. Драма в трёх действиях с прологом и эпилогом /
Б. Гуанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552850-6

900 дней блокады — малый кусочек жизни тех, кто их пережил. Но каким роковым образом они отразились на судьбе целого поколения! Герой драмы — пьеса лётчика, а после войны журналиста Петра о блокаде. В ней — реалии жизни и характеры ленинградцев той поры. Но опубликовать свою пьесу Пётр не смог и в годы «оттепели»: слишком много отрицательных героев. Пролог и эпилог драмы освещают судьбу Петра до его одинокой кончины уже в XXI в., с ним и судьбу его детища. Драма взывает к современникам: ПОМНИ!

ISBN 978-5-00-552850-6

© Гуанов Б.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
СИЛЬНЕЕ ХЛЕБА	8
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	8
Картина первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ленинградцы **Драма в трёх действиях** **с прологом и эпилогом**

Борис Гуанов

Маме, блокаднице, посвящаю

© Борис Гуанов, 2021

ISBN 978-5-0055-2850-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

1960 год. Весеннее утро с субботы на воскресенье. Убогая комнатка в коммунальной квартире. В углу у круглой печки-голландки лежат дрова. Пара на односпальной железной кровати. Обоим за 30. Пётр в семейных трусах откидывает одеяло, потягивается и садится на край кровати, протирая глаза. Потом вскакивает и выглядывает в приоткрытую дверь.

ПЁТР (*бормочет*). Опять сортир занят. Мамулька засела на полчаса (*тяжело вздыхает*)...

Лежащая у стенки подруга поворачивается, открывает глаза и сладко улыбается.

ЗИНА. Милый... Я так счастлива...

ПЁТР (*становится на колени перед кроватью, кашляет*). Спасибо, спасибо тебе, радость моя... рыжая! Ты – огонь! Ты зажгла меня так, как никто не зажигал! Я весь как новенький! Ты вытащила меня из такой тёмной ямы... полного одиночества (*целует её пальчики*).

ЗИНА. После нашей встречи в театре, после этой дурацкой пьесы о блокаде... ты не побоялся сказать мне, что это дерьмо с сахарным песочком. Но мы-то знаем, как дело было. Я сразу поняла, что ты мне – родная душа... Расскажи мне о своей жизни. Но только без вранья!

ПЁТР (*встаёт*). Да чего рассказывать... Обычная история... До войны мальчишкой в кружке ОСОАВИАХИМа увлёкся самолётами. Только закончил лётную школу – война. Воевал здесь, под Ленинградом. В конце концов сбили... Выжил... Но комиссовали. Прощай, авиация!.. Была у меня здесь жена, ... хорошая, молодая, ... Вера. Но не дождалась меня, умерла в блокаду. Я после госпиталя ещё во время войны поступил на факультет журналистики. Проучился два курса, но исключили... Из-за папашки. Он ведь был дворянин, хотя сменил фамилию и работал простым слесарем на заводе Кулакова. Сам пошёл добровольцем на фронт, прошёл всю войну, да из-за длинного языка попал на лесоповал по 58-ой статье. Там скоро и помер – от туберкулёза. А меня как сына врага народа отправили на 101-ый километр. Там и я подхватил туберкулёз. Женился второй раз, да не удачно, через год развелись... Дочка осталась... Плачу алименты, но уж скоро вырастет... Срок моей ссылки кончился, я переехал в Питер. С тех пор вот один, живу с мамулькой. Работаю в редакции газеты Завода турбинных лопаток. Пишу кое-что для себя, в стол. Вот и вся история... А ты?

ЗИНА (*гордо*). Я? Я – модельер Ленинградского Дома моделей! Да-а! В журналах моды и мои модели!.. А до войны я была ещё школьницей. Моего папу, одноногого инвалида первой мировой, посадили в 38-ом году в Большой дом по делу «Гознака». Может, слышал? Да вряд ли... Он был бригадиром электриков... Два подлеца-лентяя из его бригады написали на него донос, мол, он призывал бойкотировать выборы в Верховный Совет и рассказывал политические анекдоты. Вот его и замели до кучи, вместе со всем фабричным начальством. Шили дело об антиправительственном заговоре. Все под пытками подписали – и под расстрел, только он за два с половиной года ничего не подписал. А когда сменили Ежова на Берия, состоялся открытый суд, и – чудо! – но его оправдали!.. А один из доносчиков повесился... Отец вышел совсем больной и через полгода, аккуратно перед войной, умер от сердечной жабы... Ему всего-то сорок семь лет было... Началась блокада, мать вышла замуж за соседа-поляка, и их срочно депортировали в Сибирь. Поляк-то скоро умер... А я осталась одна в Питере, 17-летней девчонкой... Папа был хозяйственный, наготовил перед войной два сарая дров, так что вся родня – семь человек! – жила и грелась у меня в нашем номере фабричного общежития. Знаешь, такая система... коридорная, с общей уборной на десять очков. Развели они мне клопов и тараканов, а потом стали воровать... Родная тётя у меня карточки спёрла! Вот я всех и выгнала, кроме подружки... Да и та потом отплатила мне чёрной неблагодарностью. Отец

перед войной устроил меня на швейную фабрику. Там я своего Сига и встретила, ... и поженились ... ещё в блокаду. Совсем девчонка была ... Не то, чтобы я влюбилась: просто не хотелось помереть, так и не отведав, что такое любовь ... Я, конечно, сразу залетела, да с голодухи у меня выкидыш случился ... Сиг – потому что тихий как рыба, не пьёт, не курит ... Сутками на работе или в райсовете, или в избиркоме, или в суде заседает ... По праздникам командует колонной от фабрики ... Но в тихом омуте черти водятся! Он работает начальником цеха, а там баб – пруд пруди! Я уж второй раз беременной была, как узнала, что он мне изменяет ... Выгнала его сначала, да мама в конце блокады вернулась, привезла денег и уговорила меня, мол, у ребёнка должен быть отец. Я и пустила его обратно, но с тех пор с ним не сплю – противно! Я ушла с фабрики, закончила техникум и работаю в Доме моделей ... и очень успешно! Мы с Сигом – совсем разные люди, я даже в театр одна хожу и в Крыму с моими лёгкими тоже одна отдыхаю. Его это устраивает. Он ведь на 17 лет старше меня! Для него покой – прежде всего ... Видно, перебесился!.. Сын Витя уже вырос – 16 лет! Так что считаю себя свободной ... и молодой! (хихикает) Вот и сегодня я на экскурсии ... на Валааме ... Хотя ... Нет, больше врать не могу! Вечером, сегодня же перееду к тебе!.. Возьму такси ... С чемоданами ... И насовсем!

Пётр радостно обнимает и целует Зину.

ПЁТР (*восторженно*). Ты, ... ты ... моё счастье! (*заслышав шум спускаемого бачка, озабоченно*) Кажется, освободилось ... Я сейчас!

Убегает в туалет. Пауза. Зина, закрыв лицо руками, тихо плачет.

ПЁТР (*вернувшись*). Ну, тише, тише ... Эх, судьба! Везде одни неприятности ... Хочешь, я тебе покажу мою пьесу о блокаде? «Сильнее хлеба» называется ... Она почти автобиографическая, даже имена главных героев не менял ... Думал, после XX съезда её можно опубликовать, да не тут-то было! Вот, пришла рецензия (*берёт со стола листок и читает*): «Драма о ленинградской блокаде – сейчас может заинтересовать редакцию журнала только в том случае, если произведение на историческом материале решает ту или другую современную проблему. К сожалению, автор увлёкся отрицательными персонажами, и вещь не работает на сегодняшний день. Конечно, в дни осады встречались в Ленинграде такие типы, как спекулянт Аркадий Кириллович или аморальная продавщица Катька. Однако подобные „выродки“ не выступали на передний план, не они делали погоду, не они прославили город Ленина. Другое дело, если бы автор взял хотя бы персонаж, сходный с Катей, и раскрыл бы путь перековки пустой девчонки в условиях труда на оборону. Или сократил бы число отрицательных персонажей, а расширил бы образ Веры (она не плохо задумана). Сейчас же в пьесе много действующих лиц, но центрального героя нет. Идея вещи расплылась: не то Ильинишна, Вера и Николай Иванович – центральные герои, не то Аркадий Кириллович, Катька и Пётр (лётчик, погулявший без Веры)? Словом, дрянные люди заслоняют хороших, а тем самым искажают правду о героях блокады. Автор, бесспорно, способный. Он умеет экономно, действенно обрисовать характеры персонажей, но он пока что не совсем ясно представил идею пьесы. Арест спекулянта и воровки – наиболее слабый вариант развития сюжета на материале героического города. Моральная победа важнее прихода милиционера в конце пьесы. Конец шаблонный, непродуманный. Для драмы важнее выделить один конфликт, одну сюжетную интригу, одну линию столкновения. Если автор хотел показать, что Николай Иванович, несмотря на голод, не расстанется с книгами и картиной Васильева, то это исходит у него из любви к данным вещам. Когда ленинградцы спасали от пожара государственные ценности, „чужие вещи“ – в этом больше героизма, патриотизма. Словом, автору предстоит усилить идейную сторону произведения. В таком виде пьеса не может заинтересовать журнал. 10-го января 1960 года. Г. Алёхин» ... Вот сука! Одно враньё им подавай! ... Сегодня воскресенье, время есть ... Давай, я тебе почитаю ...

Зина, вытирая глаза, кивает головой. Пётр берёт в руки пьесу.

Занавес

СИЛЬНЕЕ ХЛЕБА
Пьеса в трёх действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Большая кухня в одном из ленинградских домов. Холодная плита, которой уже давно не пользуются. На полках разный хлам. Кровать с матрацем служит, видимо, вместо дивана и стульев: их нет – сожгли. Пара больших окон, за которыми сквозь изморозь просматривается ленинградский городской пейзаж. Только всё кажется застывшим, лишь из одной заводской трубы курится дымок.

Следы жизни и запустение. На всём неповторимый характерный отпечаток. Блокада. Январь 1942 года, Ленинград.

Почти касаясь лицом и руками «буржуйки», голенастые колена которой уходят через окно на улицу, греется молодая женщина Вера. Малоподвижная в намеренной для тепла разнокалиберной одежке, она кажется старше, чем есть на самом деле, и только её голос с чистыми интонациями говорит, что она молода.

Здесь же Лидия Петровна, её тётя. Худощавая женщина лет сорока пяти, непонятно как ухитряющаяся сохранить остатки прежней аккуратности в одежде, причёске. В этом она резко контрастирует со своей племянницей. Лидия Петровна всё время находится в движении, но эта преувеличенная бодрость от нервозности. Она, желая или не желая того, взвинчивает себя, что, по её мнению, помогает ей держаться. Сейчас все её интересы сведены к одному: что есть сегодня, завтра – ей и Верочке, к которой она привязана с эгоизмом требовательной женщины, не имевшей своей семьи, детей. Очень расстроенная какой-то пропажей, Лидия Петровна ведёт беспорядочные поиски на кухне. Она обескураженно то принимается рыться в хламе, то нервно шаркает свои карманы.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*с отчаяньем*). Хоть убейте, ничего не помню!.. Куда я их могла задевать? Боже мой... Абсурд какой-то, провал в памяти. И кто поверит, что я могла поминуть любую бумажку в бухгалтерии за целые года... Нет, нет, больше не могу. Так совершенно издёргаться можно. Я лучше признаюсь... Вера! (*замолчала в нерешительности, но Вера, погружённая в свои мысли или голодную дремоту, не пошевелинулась*) Вера, не волнуйся, пожалуйста, но...

ВЕРА (*испуганно вскрикнула*). Что!?! (*с такой болью и беспокойством принимают известие с фронта о гибели родного человека*)

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*поспешно*). Я потеряла карточки. Ты только не волнуйся... понимаешь, продовольственные карточки.

ВЕРА (*менее напряжённо*). Какое сегодня число?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*не понимая*). Двадцать пятое... Январь.

ВЕРА. Шесть дней до новых карточек. Не дотянем...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*чуть не плача*). Ну что ты говоришь всегда... невозможное. Да сорок грамм масла всего. Талоны на него пропали. (*уныло*) Думала всё как лучше. Хотела к концу месяца выкупить... И не смотри, я просила, как ревизор с укором. Ведь у тебя день рождения скоро, а ты даже и не вспомнишь. Хорошо бы его отметить... как-то. Тебе уже смешно! Целых сорок грамм как в воду... на эти талоны сливочное дают.

ВЕРА. Оказывается, и на блокадном пайке можно экономить, откладывать на чёрный день.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*накаливая себя*). Да, да... Фантазия, но я не могу смотреть молча, как ты чахнешь от апатии... Нельзя быть такой, Верочка. Задор, пусть крайности – только не молчать. Молчать и думать, Верочка.

БЕРА. Опять хотите поссориться, как в прошлый раз... Масло, масло. Плюньте на него. Всё равно. (*женщины присаживаются рядом у печки, молчат, зачарованные огнём*)

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Скрипят, сырые. На углу у железного садика дом двухэтажный деревянный ломали на дровишки для госпиталя. Нам бы брёвнышко приволочь. Порох. Хотя бы балку какую. (*пауза*) Ты так испугалась, когда я тебя позвала. Думала, что извещение. А он, бессовестный, не хочет даже ответить на твои письма...

БЕРА. Мне всё равно.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. А вчера опять на почте перебирала эти залежи писем. На тебе лица не было, когда ты вернулась. Я уж подумала: нашла. Но разве найдёшь? Мне страшно было посмотреть – тонны неразобранных писем, не разосланных. Хаос. И кто пишет, кому пишут, смешалось... Ты не ходи туда, Верочка. (*с обидой*) Молчишь, всё время молчишь. Я, конечно, может и устарела. И такая усталость. Но ты... Мне становится страшно. Ты была гордая, пусть и резкая порой, а сейчас – старуха в восемьдесят лет. После того ужасного письма. (*возмущённо*) Пётр, Пётр. Ничего не знает, не представляет, как мы живём, существуем при коптилке, а осуждает с горячностью мальчишки.

БЕРА. Всё-таки читали письмо, то?... Это же не красиво, тётя. А ещё учили.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я и виновата! Твою переписку нетрудно найти даже в туалете, так её ты хранишь! (*иронизирует*) И откуда мне было знать, что оно последнее. Любящий муж, и ни одного трёхугольничка, а мы ждём, надеемся... И я ему доверилась. Нет, это простительно тебе, но мне, стреляной вороне! Комнату вам предоставила...

БЕРА. Хватит, тётя!

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Он пожалеет. Ну, да война многое спишет, сгладит. И не взять в руки перо... А как бы вы могли жить! Ради вашего будущего...

БЕРА. Хватит... Не надо мне такого будущего... Я не хочу, понимаете. Одна останусь. Вдова. Хуже. А жалеть, вмешиваться, поймите, нечего. Никому.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*изумлённо*). Ты считаешь себя всё-таки виноватой.

БЕРА. Не знаю... Тогда – да, а сейчас... Не знаю. Мыслей много, а голова – пустая бочка. Вопросы, одни вопросы, а ответа нет. Не настоящие они, тётя: от обиды моей.

Пауза.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Если б ребёнок и родился, он всё равно бы не жилец на этом свете был. Лишь горя прибавил бы, а разве я не хочу внучку?... Нам так тяжело...

БЕРА. Там ещё труднее.

Пауза.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*прислушиваясь к далёкому взрыву*). И почему сегодня эти мерзавцы не стреляют: пакость, наверное, готовят? (*Бера молчит, кочергой поправляет дрова в печке. Лидия Петровна говорит много и беспорядочно, только бы разбить молчание Веры, в котором ей чудится укор*) Осине бы просохнуть, но всё некогда. Всё некогда... Под столом у меня полкнижки спрятано. Не бойся, Николай Иванович придёт не скоро ещё. Ноги еле держат, а думает, кажется, спасти все книги города. Не рационалист, чудака большой. А доктор из двадцать восьмого номера спальный гарнитур изрубил, только трюмо целое: боится зеркало разбить, суеверный... Ну, почему ты молчишь? Скажи прямо, ты, тётя, виновата! Ты уговорила, настояла. Ну, я! Я! О тебе думала, больше, чем о нём...

БЕРА. Я не ищу виновных, тётя. (*пауза*) Книги всегда должны быть важнее мебели.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Однако ты сама ими растопляешь печку.

БЕРА. Это сказал Николай Иванович.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я ж не вандалка, как это у Некрасова говорится. Не отрицаю. Но людям требуется капля тепла. За неё отдают многое. С меня, наконец, хватает забот о завтрашнем дне, не дальше. *(полу-мечтательно, полу-деловито)* Вместо хлеба можно испечь лепёшки из пшена и кофейной гущи, а если добавить немножко крахмала... Чудо-пирожки. И, как прежде, пригласить жильцов. Николая Ивановича. Он всегда дарит чашку с блюдцем, с золотой надписью. Заведём патефон. Тихо-тихо. Потом Ильинишну можно... А больше и некого. Пусто стало в квартире, а как прежде, бывало, ссорились. Сбегутся все на кухню, и тесно покажется...

ВЕРА. Она обиделась. Ильинишна не придёт.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА *(оправдываясь)*. Но невозможно же идти за санками через весь город, на кладбище. Она же... сознательная. У самих неизвестно где душа держится. Иван Максимыч *(крестится)*, вечная ему память, был хороший человек, но... кто думал, что вот так придётся проводить только до угла. А жаловаться ей? Я не понимаю. Похороны, дай Бог каждому. И гроб настоящий от завкома, сосновый, и все мы его до угла проводили...

ВЕРА. И всё-таки ей неприятно.

Пауза.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Аркадий Кириллович любезно поступил. Незнакомый почти, а прошёлся...

ВЕРА. Зачастил он к нам.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Он же одинок, и перекинуться хотя бы парой слов – это порой такой отдых для души... *(смотрит на свои руки)* Руки прачки, а не бухгалтера на самостоятельном балансе. Маникюр к ним уже не пойдёт... У Аркадия Кирилловича есть связи продовольственные... определённо.

ВЕРА *(подошла к замёрзшему окну, смотрит на градусник за стёклами)*. Двадцать шесть градусов... И какое у него право называть меня Верочка?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА *(беспокойно)*. Ты хочешь куда-то идти... прогуляться?

ВЕРА. Не знаю.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Жуткие морозы, стужа. В восемнадцатом году в Петрограде сильные были. А сейчас... не упомяну подобной стужи...

За дверью, ведущей в прихожую, слышен какой-то непонятный шум, голоса. Это необычно, и Вера повернулась на него. Лидия Петровна с опаской пошла к двери... Придерживая через силу передвигающую ноги девушку, входит пожилая работница Прасковья Ильинишна – или, как её зовут просто знакомые, Ильинишна – и хорошо одетый моложавый старик Аркадий Кириллович. Они довольно небрежно укладывают девушку, её зовут Катя, на кровать, переводят дыхание.

ИЛЬНИЧНА *(поясняет)*. С голодухи голова закружилась у человека... Как обмерла, в себя не приходит.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Да, да, обычная история. Капля нашатырного спирта поставит её на ноги. Замечательное лекарство и качество. У меня довоенный сохранился.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ *(с усмешкой)*. Лучшее лекарство сейчас для неё – полведра баланды из чечевицы. Пообещаете, и она не только встанет на ноги, а подскочит.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА *(к Ильинишне)*. Это ваша знакомая или... родственница?

ИЛЬНИШНА. У нашего дома блокада перезнакомила. Смотрю, по стенке ползёт, вначале крепилась, ничего, а потом на коленки села... Рано ей ещё помирать. Девчонка... А несколько шагов всё-таки проползла.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Не поняла... Так кто же она всё-таки?

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ. Дистрофик.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*забыв о нашатырном спирте, начинает прикидывать*). Вызвать врача? Обычная история, и кто пойдёт? Не представляю. Что же вы с ней будете делать, Прасковья Ильинишна?

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Боюсь, что уважаемая Ильинишна и сама поставлена в тупик. Проблема с рождественскими подкидышами не для наших дней.

ИЛЬИНИШНА (*хлопоча у не пришедшей в себя Кати*). Ни кровинушки в лице. Замёрзла, сердечная. Ну, вставай, вставай... Вот барыня, разлеглась... Ну, полежи, полежи... Хорошо, Аркадий Кириллович по лестнице спускался, помог дотащить.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Первый этаж, я всегда говорила – это большое преимущество. Вы, наверно, устали, Аркадий Кириллович. За этими волнениями я не предложила вам и стула. Вот ящик...

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Благодарствую. (*усаживается*) Для нынешних женщин она довольно тяжела. Пуда два с половиной наберётся, пожалуй.

ИЛЬИНИШНА. Кипяток есть у нас... у кого-нибудь?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*дипломатично*). Если поставить на времянку, но дрова сырые...

ВЕРА (*не трогаясь с места*). Принесите термос, тётя. Пожалуйста, поскорее.

Лидия Петровна уходит, не совсем довольная. Вера подошла ближе к Кате, начинает помогать Ильинишне приводить Катю в чувство. Возвращается Лидия Петровна, подаёт Вере старенький термос, а та уже передаёт его Ильинишне.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*не без гордости*). Ещё горячий... Чай яванский. Довоенный.

ВЕРА (*негромко поправляет*). Явский.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*к Ильинишне*). Хорошо устроили Ивана Максимовича?

ИЛЬИНИШНА (*вынув из кармана бумажку с сахарным песком, всыпает его в термос, одновременно рассказывает*). Не в общую положили, и на том спасибо. Приметная она, с краю – весной найду и в порядок оформлю... И довели хорошо. Думала возчик-то пожадничал: два килограмма запросил, а самому не дотянуть. Тяжёл Иван Максимович. Какое там! Впрягся в санки, да как попёр! Только поторапливает: не отставай, мать, мне ещё в одно место, ждут. Клиентов много... Так его валенки с кожаными пятками и мелькают перед глазами... (*сделав несколько глотков из термоса, Катя открывает глаза*) Очнулась, молодчага. Напугала ты нас...

КАТЯ (*не приподнимаясь, спрашивает обеспокоенно*). А сумочку мою,.. где она?.. не видали?

ИЛЬИНИШНА. С тобой, с тобой. На, возьми, всё целое. (*протягивает Кате старую сумочку*) О ридикюле беспокоишься – значит, в самом деле, ожила.

КАТЯ (*не знает, как продолжить разговор, жадно смотрит на термос*). Ага...

ИЛЬИНИШНА. Допивай... Да, допивай. Чего жеманство разводишь?

КАТЯ (*допив*). Благодарю. Вкусная вода.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*холодно поправляет*). Это чай яванский.

ВЕРА (*резковато*). Явский, тётя.

КАТЯ (*к Лидии Петровне*). Спасибо. Вкусно. (*замолчала*) Хороший сахарин, сладкий. Где доставали? Адресок не скажете?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Это был сахар. (*кивок в сторону Ильинишны*) Её.

КАТЯ (*ошеломлённо*). Сахар... Спасибо. (*все молчат*) Я пойду.

ИЛЬИНИШНА. На ногах удержишься? Подожди немного чуть, я тебя до дому провожу. Далеко живёшь? Что спрашиваю. Нынче от дома далеко не убредёшь. И захочешь, да ноги не унесут.

КАТЯ. Нету дома.

ИЛЬИНИШНА. Разбомбили или снаряд?

КАТЯ (*горячо рассказывает из-за благодарности к Ильинишне, со смутной надеждой, что ей здесь помогут*). Из Парголова я. Дома деревянные больше у нас. Ну их на топливо и приспособливают. Вот я и ушла. Непривычно как-то без дому... Я у девушек-сандружинниц из МПВО ночевала. А получилось... теперь нигде. Люди незнакомые вокруг, страшно. Где прислониться, не знаю.

ИЛЬНИШНА. Значит, одна жила.

КАТЯ (*бессвязно припоминая*). Зачем же одна? Отец, он в грузчиках. Ох, и силен... Мамаша наша и сестрёнки две. Люся и Галя. Мы хорошо живём, с достатком... Только померли они все от блокады...

Все молчат, так неожиданна концовка Кати.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Как тебя звать, девушка?

КАТЯ. Катя, Катя из Парголова. Эмпевоешницы так звали.

Пауза.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ (*потеряв всякий интерес к Кате*). А где Николай Иванович? У себя?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Совершает обязательный моцион. (*отходит вместе с Аркадием Кирилловичем в сторону*) Его не поймёшь, шутит или серьёзно он говорит. Но ради аппетита.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Шутит. Но он чувствует себя не плохо,.. кажется. Нам старикам ведь немного надо, чтобы поддержать свой жизненный тонус. Никаких излишеств, баловства.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*рассказывает о Николае Ивановиче, а сама ищет момента, как бы заговорить о своих делах*). Раньше он вёл себя спокойнее. Мне трудно объяснить. Это чувство подсознательное... Он слабеет. И тут ещё мания. Однажды ночью... Посреди. Разбудил всех: почудилось ему – воры. Смешно?!

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Воры?.. Ай, яй...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. А по всей квартире продуктов и на хороший ужин кошке не соберёшь. (*понизив голос*) Мне, право, неудобно. Но Вы как-то упомянули, что сможете помочь... достать. (*Аркадий Кириллович забеспокоился*) Я так рассчитываю.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Помню, помню. Но скажу правду, для этого столько требуется ходить по знакомым... Но как-нибудь для себя пойду... и для Вас...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. О, если бы немножко витаминов. У Верочки кровоточат дёсны. Она скрывает от меня... Достать бы луку. Одну головку, маленькую. Мне обещали, но я не уверена. Цынга – это ужасно. Девушка без зубов или шатаются... Я видела в очереди за водой. Молодая, интересная, а рот старушечий – чёрный провал...

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. А муж Верочки... Имеете известия?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА (*быстро*). Пишет. (*Аркадий Кириллович усмехнулся над попыткой его обмануть*) Но давно не было. Его перебрасывают с места на место. Он лёгчик. Мы следим по сводкам. Населённых пунктов невероятное количество... А их аэродромы – впервые слышу. В восемнадцатом году понятнее было...

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Да, неутешительные... сводки.

ВЕРА (*её внимание привлёк конец разговора Аркадия Кирилловича с Лидией Петровной*) Вы были на улице? Что нового, я не расслышала?

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Всё по-старому, Верочка. Город стынет, пульс слабый. Прощупывается только в очередях за хлебом и водой... Мертво, мёртвая стихия. Как-то не верится, что недалеко отсюда настоящая цивилизация.

ИЛЬНИШНА. Считаете, что одичали.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ (*холодно, но не дерзко: он побаивается Ильинишны*). Остроумно, Прасковья Ильинишна.

ИЛЬИНИШНА. И Вам-то, кажется, нечего особенно жаловаться, как этой девахе, например. Живёте же.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. А точнее, как и все, существую.

ИЛЬИНИШНА. Счастье не из одних картинок складывается. А эта петрушка, чувствую, всё временная. (*Аркадий Кириллович недоверчиво хмыкнул*) А мы живём, через силу, а живём... назло нашим недругам.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Ваше любимое занятие придирается к словам. Выжить или существовать – разница чисто филологическая. Сами-то, небось, тоже хотите выжить?

Пауза.

ИЛЬИНИШНА. А кто не хочет выжить ради победы? Разницы нет, говорите? Мудрено остаться человеком, не потерять своего лица – это выжить.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Огни победы... Я забыл, Верочка, указать. В железном садике кто-то выломал прутья в ограде, и за водой к Неве можно ездить напрямик. Санки пройдут. Эта новинка сокращает путь к общественному водопроводу – Неве – на целых триста метров.

ИЛЬИНИШНА. Молодец, кто сил не пожалел. Железо, а поддалось... Хотя в одиночку, без сварочного аппарата, а выломали...

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. А имущество городское... народное?

ИЛЬИНИШНА. Имущество – не люди.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Хотите сказать – не догма. Душевно отдыхаю, общаясь с Вами в спорах.

ИЛЬИНИШНА. Красиво выражаетесь, и где научились?... Только напрямик лучше, Аркадий Кириллович, без путаницы, понятнее будет. (*почти без перехода*) А сводку я читала, Вера. Наши держатся и лупят фашистов. Из крупных городов вчера ни одного не оставили... Продукты есть, вся страна присылает. Кабоны забиты. Точно... Но дорога одна – по льду.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Это где?

ВЕРА. Большая земля. На той стороне Ладоги.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Ах, Ладога!

Входит, осторожно ступая, закутанный в немыслимое количество одежек, Николай Иванович. В руках у него небольшая пачка книг. Положив их на колени, он осторожно присаживается, кладёт руку за пазуху, к сердцу.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. О, Вы опять с добычей. Поздравляю! И много интересного откопали, Николай Иванович? (*просматривает стопку книг*) Недурно. Завидую Вашему трудолюбию и неколебимому постоянству в верности книге... Давно похороненный идеал рыцарского служения книге и самоотречения аскетического.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (*устало останавливает*). Болтаете.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. А разве время не то, не аскетизма невольного? Жаль. Ошибка, что его не преподавали, как политграмоту, как обязательное условие победы над врагом заклятым.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Чтобы проповедовать, надо верить, хотя бы верить в преимущество старых проверенных помочей перед модными подвязками. Примерно Ваша мысль.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Сдаюсь. Вы умеете быть безжалостным.

ИЛЬИНИШНА (*неодобрительно*). Ишь, как запыхались, Николай Иванович, примите-ка валерьяновки.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Пожалуй, не надо. Лекарство – это яд. И не стоит его, право, баловать, само придёт в норму. Не в первый раз.

ИЛЬИНИШНА. Вера, сходи ко мне. Знаешь, где пузырьрёк.

Вера уходит.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Недавно был у знакомого врача. Насколько я понял его, теперешние эскулапы нашли средство от всех болезней сразу. Универсальнейшая панацея.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Новое лекарство.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Очень простое. Меньше ходить, больше есть.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Мрачно шутите.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Такова жизнь и, отчасти, мой характер.

ИЛЬИНИШНА. Говорите, вы говорите. А я не пойму, где начало, где конец?

Они смотрят друг на друга испытующе.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ *(с желчью)*. Начало есть. Мне придётся продать свою коллекцию фарфора. Легче сердце вырвать. Тридцать восемь лет собирал! И тут валерьяновкой не поможешь... По крохам, статуэтку к статуэтке, вазу к вазе, блюдо к блюду. Севр, саксонский... Веджвуд... И вот ищу покупателя с понятием. Всё равно не уберечь! Обидно есть порционную овсянку и сою на фарфоре – это извращения не художественные.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ *(сочувственно)*. Такую коллекцию!

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Умереть из-за фарфора ещё глупее.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА *(со вздохом)*. Адель Васильевна из девятого номера, помните? Она всё никак не могла расстаться с коврами и...

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Видите. Моя мысль подкреплена жизненными примерами. А Вы неужто, Николай Иванович, предпочитаете сидеть, как старая девка на узле с приданым.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ *(горько)*. К сожалению, не имею ценностей, пользующихся спросом на рынке, толкучке – кремней для зажигалок, жмыха, дуранды, сахара и прочих суррогатов.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Да, эти вещи котируются почти по стоимости золота.

ИЛЬИНИШНА. Всякая сволочь всплыла, как при НЭПе.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Люди последнее скупают и отдают, чтобы выжить. Какие уж тут спекулянты?

ИЛЬИНИШНА. А кто покупает? Откуда продукты берут? Какие уж им оправдания. Греть руки на беде народной. Совесть у них выело.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. И продавцы, и покупатели бывают разные... Одной шапкой всех не накроешь.

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. И когда грохочут пушки, совесть смолкает.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Совесть?

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Интересно, чем бы занимались музы сейчас?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Думаете, спекуляцией?

Вера успела вернуться, приготовить валерьяновку. Она подаёт стакан с лекарством Николаю Ивановичу. Тот машинально его выпивает и только потом спохватывается, что он ведь отказывался от лекарства.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Спасибо... А ты сегодня, Верочка, выглядишь отлично... как роза.

ВЕРА. Шипы без лепестков.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Письма есть? *(Вера отрицательно качает головой)* Да, почте не до нас.

ВЕРА. А кому сейчас дело до нас?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Тяжко в четырёх стенах... Совсем бывает неволе. *(указывает на одну из принесённых книг)* Вот, спас. Пёстрые рассказы Чехонте. Первая книга Антона Павловича Чехова. *(вяло рассказывает)* Хорошей сохранности экземпляр. Полсотни лет ему. Столько пережил, перевидел... Хочешь посмотреть?

ВЕРА. Нет... потом.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Устала?.. И я тоже... немножко дошёл... но отлежусь. Всё-таки переплёт немного закоптился. Отойдёт?.. Барахольщики уже костёр запалили, руки греть. Деревяшек им, подлецам, жалко, так они книги, бумагу подбрасывают. Поругался я с ними вволю. Чехова, вот, отвоевал, а остальные сожгли, как ни просил. Не смог я убедить их...

Входит лейтенант милиции, с ним молоденький боец с бородой.

ЛЕЙТЕНАНТ (*простуженным голосом*). Чего это двери нараспашку держите, товарищи? Думал, и документы проверять не у кого.

БОЕЦ (*вспомнив о своих обязанностях*). Проверка документов, граждане. Паспорта и справки выкладывайте!

ЛЕЙТЕНАНТ. Тише. Не глухие же здесь... Рядом зашёл в квартиру семь, а там... (*махнул рукой, начинает растирать уши*) Мерзавец-мороз щиплет без жалости, как сироту в сказке... Вижу, все в сборе. Тепло у вас, ничего. И старые все жильцы. (*Аркадий Кириллович первый протягивает паспорт лейтенанту. Тот, мельком взглянув на фото в паспорте, отдал обратно*) А, жилец сверху, кажется?

АРКАДИЙ КИРИЛЛОВИЧ. Так точно. Запомнили.

ЛЕЙТЕНАНТ. Служба. Да и редок нынче гость... больше по делам передвигаются люди... (*к Кате*) Ваши документы попрошу, товарищ. Не знакомы, вроде, будем. (*Катя суматошно роется в своём ридикюле, выгребает оттуда разные мелкие предметы и шёлковое комбинезонное*) Не спешите, гражданка. (*подходит к Николаю Ивановичу, козыряет*) Моё почтение. Наверное, кроете, почём зря. Извините, но только книжку малость задержу...

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (*с живостью*). И читаете?

ЛЕЙТЕНАНТ. Коли вторую неделю мариную, то факт.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Может, другую – не стихи? Подходящее.

ЛЕЙТЕНАНТ. Это как понять?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Я думал, Вы в претензии...

ЛЕЙТЕНАНТ. Нет, зачем же? А ведь я вначале точно подумал: смеётесь. Подсунули мне про графинь и графов. Наугад раскрыл я книгу. В карман вгорячах сунул, а потом разобрался... Беранже.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Да, он писал звонко, весело и ядовито.

ЛЕЙТЕНАНТ. Беранже... Революция, пролетариат – дело понятное. Французы, как и у нас в девятьсот пятом году на баррикады ходили, свободу добывали. В переплётах разных побывали, и всё же не то. Нет, ясности у них не было. Анархия, бланкисты. И тут уж выше носа не прыгнешь. Головы у них не было настоящей. (*раздаётся близкий взрыв снаряда*) У университета стреляет. А какой зверь-машина навалилась на нас, а государство наше не сломалось. Выстояло.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Вы, конечно, партийный.

ЛЕЙТЕНАНТ. Да... Считайте, да... Кандидатский стаж досиживаю. Поздновато оформился, но на печке не сидеть же. Так книжечку разрешаете? Честное слово, завидую Вам. Столько прочли, знаете. А мне некогда было, вернее, недопонимал. Жизнь-то позволяла, толкала. Да и производство с нутром забирает. Мы ведь первый в Союзе ленточку делали. Тоже книги печатать.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Набирать... Очень умная машина.

ЛЕЙТЕНАНТ. Совершенно верно. А эту форму недавно надел. Сказали – надо. (*суете*) Нечисти в городе всплыло всякой. Откуда? Ну, фашист своих забрасывает. Отрепки старые будоражат. От худой жизни есть. Рабочий-то класс держится, а послабже шатаются с непривычки. Картину гадят. Молодёжь разная бывает.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Песни Беранже Вам нравятся? Я так и думал, когда рекомендовал. Стихи превосходны. Это ценность, которая не стареет, не разрушается от времени.

ЛЕЙТЕНАНТ. Высказались очень точно. И коротко пишет, а как будто всё успевает сказать. Простой писатель. А французы его талант признают?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Не только во Франции, но и в мире... Должен сказать, не все.

ЛЕЙТЕНАНТ. Не все?.. Понятно. (*берёт паспорт Кати*) Паспорт-то чужой? А!?

КАТЯ (*заглядывает в свой паспорт*). Не... мой.

ЛЕЙТЕНАНТ. Фото, значит, чужое. Личности не схожи.

КАТЯ. Ты меня на пушку не бери! (*зло*) Не шупай! Разные брали – обожглись! (*боец начинает беспокойно проделывать манипуляции с винтовкой*)

ЛЕЙТЕНАНТ. Спокойно!.. Разошлась. Выясним. Живёте-то не по адресу прописки. Или в гости зашли?

КАТЯ. Не.

ЛЕЙТЕНАНТ. Сколько дней проживаете здесь?

Катя не отвечает.

ИЛЬИНИШНА. Её дом разнесли на топливо. У нас может прописаться. Жилплощади хватит. Да и у меня можно. (*к Кате утвердительно*) Останешься у меня, у нас.

КАТЯ (*обрадованно*). Остаюсь. Только у меня вещей больше нет.

ЛЕЙТЕНАНТ. Непорядок опять. Отметку почему не сделала с прежнего места жительства и работы?

ИЛЬИНИШНА. Послушай, лейтенант! У девки душа – чуть дунь, и погаснет, а ты... Службу твою и так знаем, но бросай волюнку тянуть. Или разморило в тепле, поговорить охота? Девка своя. Сирота и к тому же – все померли у неё. Понимаешь, все... (*спокойнее*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.